

Исполнень счастья земнова ,
И все прошедшее какъ тѣнь
Исчезнетъ, чтобъ явиться снова , —
Помедли юностью моею,
Дай часомъ жизни насладиться,
И въ опьяненіи страстей,
Въ сонъ безпробудный погрузиться.

Фата-Моргана.

НА МОРЕ.

Властелинъ я надъ судьбою ,
Надъ водами и землею !....
Волны моря подо мною ,
Волны звуковъ надо мной.

По волнамъ какое счастье ! —
Съ милой женщиной бѣжать,
Ей сердечное участие
Нѣжной лаской расточать....

На землѣ бъ не цаловалъ я
Этой ручки наливной ;
На землѣ бы не слыхалъ я
Этой рѣчи неземной !

Всюду радостные клики ;
Ночь спокойна и ясна ,
И гармонію музыки ,
Молча слушаетъ волна.....

Фата-Моргана.

* * *

Мы прожили отраду ожидания !.....

Нѣтъ въ нашемъ сердцѣ ничего,
Ни чистыхъ радостей, ни чистаго страданья ;
Для позднихъ дней ни одного
Не сберегли мы чувства молодого,
И въ бѣдномъ сердцѣ нѣтъ былого,
Чемъ юность жизни помянуть,
О чемъ заплакать и вздохнуть !.....

Шутя нашъ вѣкъ прошелъ, и мы не замѣчали , —
Что радовало насъ и отчего страдали,
И отчего былого намъ не жаль ,
И отчего мы долгую печаль,
Какъ смутное неясное видѣнье,
Забыли въ свѣтлое мгновенье.....

О нѣтъ! не нужно мнѣ такого бытія.....,
Но просить у него душа моя
Иль вѣчной памяти, иль вѣчнаго забвенья ! —

Фата-Моргана.

Харьковъ.

КЪ МУЗѢ МОЕЙ.

Прійди ко мнѣ поздней порою,
Въ безлунную, тѣмную ночь,
Прійди потаенной тропою,
Восторга стыдливая дочь!

Пусть утро тебя не застанетъ,
Пусть мѣсяцъ покроется мглой: —

Въ очахъ твоихъ солнце пылаетъ
И свѣтится мѣсяцъ порой!

Пусть люди тебя не увидятъ
Очами презрѣнныхъ страстей,
Пусть люди тебя не обидятъ
Земною любовью своей....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

20 Августа.

На сценѣ, помнителъ, смѣялся и страдалъ,
Но для меня казалось все равно:
На ложу я смотрѣлъ,—меня не занимали
Ни холодъ зрителей, рассчитанный давно,
Ни авторомъ придуманныя страсти.
Въ оковахъ золотыхъ непостижимой власти,
Хотѣлъ бы я смотрѣть, смотрѣть,
И, глядя на нее, не слышно умереть!

Склонившись на руку кудрявою головкой,
Съ улыбкой ясною на розовыхъ устахъ —
Она дитя! — Предъ дѣтскою уловкой
Вся опытность моя разсыпалась въ прахъ....
Я горько пожалѣлъ объ опытѣ напрасномъ
И разуверился я въ холодѣ страстей,
Но каюсь предъ собой, что, въ изступленіи страстномъ,
Какъ юноша, хотѣлъ я пасть предъ ней....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

ВЕЧЕРНЯЯ ДОРОГА.

Вечерній мракъ ложился на поляны,
Одѣлась даль въ осенніе туманы,
И образы причудливой толпой
Кружились надъ сонною землею ;
То рядъ колоннъ не ясною громадой,
Плѣнялъ меня на мигъ и исчезалъ,
То ѣхалъ я подъ римскою аркадой,
То вдругъ подъ кедрами столѣтними блуждалъ,
То предо мной, изъ мрака возникая ,
Носился рой полупрозрачныхъ фей....
Но онъ исчезъ, и, взорами блуждая ,
Я видѣлъ уши лошадей.

Фата-Моргана.

Въ дорогѣ.

27 октября 1842.

СВѢТЪ.

Не гляди на меня простодушно ,
Неземною любовью любя :
Свѣтъ, ничтожному чувству послушный,
Оклеветаетъ, мой ангелъ, тебя!

Схорони драгоценныя чувства
Отъ насмѣшливыхъ взоровъ людей,
Какъ художникъ созданья искусства
Отъ непризванныхъ прячетъ судей.

Притворись, если хочешь счастливо
У людей на землѣ погостить:
Будь, обдумавъ, рѣзва и стыдлива
И умѣй по расчету любить.....

—
Не высказывай чувствъ въ изступленье,
Но послушное сердце скрѣпя,
Подавляй ихъ въ началѣ рожденья
И, повѣрь, не осудятъ тебя!

Харьковъ.

—
М. А. Б-КОЙ.
=

Разкричался вояжѣры :
«О лавровые лѣса !
«О лазоревыя горы !
«О сафирны небеса!»
Только свѣту у окошка
Что Италіи краса ;
Хоть бы вспомнили немножко
Про родныя чудеса !
Въ нашемъ славномъ государствѣ ,
Въ ледяномъ и снѣжномъ царствѣ ,
Лишь бы грянули въ походъ,
Лавръ чудесный разцвѣтетъ.

Но волшебнаго тутъ мало ;
А вотъ чудо изъ чудесъ :
Обнажился темный лѣсъ ,
Снѣгу грудами напало ,
Вѣтеръ воетъ, вьетъ метель ,
Льды всѣ воды заковали ,
Въ шкапъ запрятана шинель

И мѣха подорожали.
Въ пузырьрекѣ уходить ртуть :
Тридцать градусовъ, смотрите ;
Поскорѣ печь топите ,
Не жалѣя дровъ ничуть !

Что-жъ изъ этого? гдѣ-жъ чудо ?
Тридцать градусовъ вѣдь худо !

Видѣть по веснѣ цвѣтки
Подъ роскошнымъ небомъ юга ,
Согласитесь, пустяки !
Вотъ у насъ бушуетъ выюга ,
А румяна какъ заря ,
Въ половинѣ декабря ,
Въ тридцать градусовъ мороза
Родилась кузина-роза ;
Вотъ, надѣюсь, чудеса !
Что-жъ мнѣ скажутъ вояжеры
Про свой югъ и небеса ,
Про лазоревыя горы ,
Про лавровыя лѣса ?

Валер. III.

Харьковъ.

УПРЕКЪ.

Когда луна взойдетъ среди тумана ,
За хоромъ звѣздъ, надъ мрачною землею ,
И темный лѣсъ, и свѣжая поляна
Покроются жемчужною росой ;

Когда въ домахъ, надъ рошей, надъ рѣкою ,
Послѣдній шумъ, послѣдній звукъ умретъ ,
И соловей, надъ розой молодою
На стебелькѣ качаяся, уснетъ ;

Тогда въ тиши, средь ночи безмятежной,
Прислушайся къ порханью вѣтерка,
Надъ цвѣтникомъ, надъ рощею прибрежной,
Надъ чистою струею ручейка :

Тамъ лилія головку преклонила,
Задумчива, недвижна и блѣдна ;
Подумаешь, что жизнь ей измѣнила,
Что ароматъ утратила она....

Но вѣтерокъ влюбленное лобзанье
Красавицѣ тоскующей несетъ
И лилія душистое дыханье
За поцѣлуй роскошно передаетъ.

Подъ вѣтвями плакучей, мрачной пвы
Уединенная Зола арфа спитъ ;
Къ ней вѣтерокъ, веселый и игривый,
Подъ сѣнь деревъ, съ отрадою летитъ ,

И крыльями по струнамъ пробѣгаетъ ,
Ласкаетъ ихъ, и хочетъ сонъ прогнать....
И арфа вновь для звуковъ оживаетъ ,
И о любви поетъ ему опять.

А тамъ ручей, въ томительномъ покоѣ,
Въ безжизненныхъ таится берегахъ ,
И не блеститъ русло его золотое ,
Какъ-будто нѣтъ луны на небесахъ....

И вдругъ, надъ нимъ дыханье воскресаетъ ,
Летитъ къ ручью знакомый поцѣлуй ;
Опять русло золотистое сверкаетъ ,
И слышенъ стонъ, и тихій говоръ струй.

Зачѣмъ же ты одна хранишь молчанье ?
Зачѣмъ, въ часы священные любви ,
Не отвѣчать на сладкое призванье
Какъ лилія, какъ арфа и струи ?

Валер. III.

ПѢСНЯ МОЛОДКИ.

=

Онъ удалый былъ дѣтина ,
Славный запѣвало !
Съ нимъ подѣ-часъ мнѣ любо, любо ,
Весело бывало.

—

У него ли русы кудри
Падали на плечи ,
Съ устъ румяныхъ вылетали
Сахарныя рѣчи.

—

Ужъ и впрямъ сказать, былъ боекъ
И талантливъ больно.....
Да шkodливъ-то былъ не въ мѣру ,
Вспомнится невольно!....

—

Еслибъ вѣдали да знали ,
Какъ его любила! —
Думала, что не забуду ,
Да и позабыла !

С. Будиміровичъ.

Харьковъ.

РУССКАЯ ЖЕНИТЬБА.

=

Ночь покрыла небеса:
Ночь хоть выколи глаза.
Снѣгъ лежитъ, а зги не видно.
Тихо: будто спать завидно
На погостѣ мертвецы,
Наши дѣды и отцы.
Этой позднею порою,
За Москвою за рѣкою
Шель дѣтина удалой
Перемолвиться съ судьбой,
На Ордынку къ ворожейкѣ,
Къ черноглазой чародѣйкѣ:
Съ ней въ тиши потолковать,
Гдѣ-бъ таланъ свой отыскать.

—

Свѣчка теплится въ свѣтлицѣ,
За столомъ сидитъ дѣвица,
И дѣвица хоть куда:
И стройна и молода.
Вьются кудри разсыпныя,
Очи рѣзвыя живыя
Ретивое шевелятъ,
Вешнимъ солнышкомъ горятъ.
«Погадай-ко мнѣ, дѣвица,
Что впередъ со мной случится.....
Безъ пяти мнѣ тридцать лѣтъ,
А талану нѣтъ какъ нѣтъ!....»
Въ ковшъ студеную водицу
Нашла моя дѣвица,
Воскову свѣчу зажгла,
Въ ковшъ смотрѣться начала.

— «Миновалось гореванье,
Миновалось безталанье!
Скоро будешь ты женатъ
И доволенъ и богатъ,
Не зайдетъ къ тебѣ кручина.....
Какъ цвѣтокъ среди долины,
Будешь цвѣсть да разцвѣтать,
Да дѣтишекъ наживать....» —

«Сослужи еще мнѣ службу,
Ради нашей новой дружбы:
Погодай—поворожи,
Мнѣ невѣсту покажи.»

Долго дѣвица гадала

Надъ водой, потомъ сказала:

— «Глянь-ко въ воду, свѣтикъ мой,
И невѣста предъ тобой.» —
«Что за чудо! ужъ водица!...
Вижу въ ней тебя, дѣвица!.....»
— «Стало суженый ты мой.....»
«Ну такъ будь моей женой!»

С. Будимировичъ.

Харьковъ.

И. Ю. Б-МУ.

Я ужъ теперь не тотъ что прежде:
Не сталъ я вѣрить ничему,
Ни обольстительной надеждѣ,
Ни вдохновенью моему!
Утративъ прежнія стремленья —
Плодъ честолюбы и страстей,
Мнѣ послѣ долгихъ, бурныхъ дней
Пора искать успокоенья.....

Пора всѣ чувства и волненія
Однимъ мнѣ чувствомъ замѣнить,
Все презирать, одно любить!....

Я ужъ и такъ, для ней, какъ въ Летѣ,
Былое въ сердцѣ потребилъ,
И небо Шиллера и Гёте
Подъ небомъ Р***ой забылъ! —

Харьковъ.

НАСМѢШКА ИЗЪ МОГИЛЫ.

Не плачьте, други, надъ гробами:
Зачѣмъ не дорожить слезами;
Вамъ много плакать надъ собой
Прійдется въ юдоли земной.

Доволенъ я своею долей:
Я безъ желаній и страстей;
Я здѣсь не знаю чуждой воли
Надъ волей мирною моею.
Прошедшее оставивъ съ вами,
Я здѣсь о будущемъ забылъ.....
Теперь бы плакать мнѣ надъ вами:
Я дань сомнѣнью заплатилъ.....
О, горе вамъ, когда не станетъ
У васъ слезы оплакать свой
Печальный жребій, какъ завянетъ
Цвѣтъ вашей жизни молодой!

Не плачьте, други, надъ гробами:
Зачѣмъ не дорожить слезами;
Вамъ много плакать надъ собой
Прійдется въ юдоли земной!

Харьковъ.

Щ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

Любовь!.... Любовь пустое слово: —
Извѣдалъ эту я любовь!
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готовъ.

Не говори о вѣчномъ чувствѣ:
Вѣдь чувство всякое смѣшно!
Оно намъ нравится въ искусствѣ,
Но въ жизни не въ-ходу оно.....

Ты въ небеса теперь несёшься
Своею пламенной мечтой:
А послѣ горько посмѣешься
И надъ собой, и надо мной!

Фата-Моргана.

Харьковъ.

МУЗЫКА.

Порой найдутъ тяжолыя мгновенья
На душу грустную мою:
Её волнуетъ вдохновенье,
Но я молчу, я не пою.....
Отъ полноты души языкъ нѣмѣетъ:
Я жажду звуковъ, но не словъ,

Чтобъ выразить чѣмъ сердце пламенѣть,
Какъ рвѣтся чувство изъ оковъ.....
И чувства мрутъ въ груди, напрасно грудь волнуя,
И на душѣ холодная тоска....

Богатство духа познаю я
И бѣдность языка.

Фата-Моргана.

Харьковъ.

* * *

Странно! бывало, малюткой
Няниныхъ сказокъ терпѣть я не могъ:
Что-то влекло меня въ тѣмную рошу
Слушать, какъ шепчется что-то въ вѣтвяхъ.
Сердце мое трепетало боязнью:
Сладка была мнѣ такая боязнь.
Я понималъ тотъ таинственный шопотъ.
Вамъ передать я его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣтъ...
Часто любилъ я смотрѣть на рѣку,
Слушая музыку хоровъ незримыхъ;
Въ очи мнѣ прямо, участя полны,
Водные духи сквозь волны смотрѣли.
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водою,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла; его
Бѣдный языкъ и холодный разсудокъ
Высказать вамъ не сѣмѣютъ, но сердце
Ясно его понимаетъ и помнитъ. —
Эти мгновенья прошли не возвратно
Съ дѣтствомъ безпечнымъ и съ жизнію сердца;
Годы другіе настали: природа
Стала мертва для меня и беззвучна.
Разумомъ больше живу я, чѣмъ сердцемъ.
Міръ человѣка раскрытъ предо мною:

Въ свѣтлой улыбкѣ я вижу отраву;
Стонъ, заглушаемый смѣхомъ, я слышу;
Въ каждой морщинѣ чела я читаю
Повѣсть о жизни, печальную повѣсть.....

* * *

Харьковъ.

ВЕЧНА.

I.

Чувствую, силы мои,
Юныя силы слабѣютъ;
Слышу, холодную руку
Смерть положила на сердце....
Бѣдное сердце мое!
Рано тебя схоронилъ я,
Рано сожогъ я страстями,
Рано желать приучилъ я,
Рано надежды разбилъ.....

II.

Съ юга лазурнаго вѣтъ
Зноемъ и лёгкой прохладой;
Вѣтъ какою-то пѣгой
Съ неба и съ моря, и съ горъ.
На небѣ облако рдѣтъ,
Пахнетъ дождёмъ благовоннымъ.....
Скоро сквозь яркое солнце
Перлы дождя упадутъ:
Перси земли растворятся,
Влаги чудесной напьются.
Гляну: — зелёныя перси
Рдѣютъ багрянцемъ цвѣтовъ.

III.

Хоть-бы пожить мнѣ весною! —
Чую, какъ сердце забилося.
Съ тёплага сердца упала
Хладная смерти рука.....
Выйду я въ чистое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотрѣть.
Много есть жизни въ природѣ:
Жизнь я займу у природы;
Буду открытою грудью
Воздухъ весенній впитать....

* * *

Декабрь. 1843.

ХАНДРА.

(Е. А. Броневской.)

=

Покинувъ горнюю обитель
Для украшенія земли,
Межъ насъ, какъ ангелъ-небожитель,
Вы чувство неба сберегли;

И это чувство скрыть хотите

Передъ холодною толпой....

Его, молю васъ, назовите —

Иль вы ужъ называли—хандрой.

А мы.... мы скажемъ межъ собою, —
Вѣдь вамъ не властны мы сказать:
Вы рождены своей хандрою
Обворожать и побѣждать.

Хандрите, долѣ хандрите:
Вы млы ангельской тоской;
Невольно многихъ вы плѣпите
Своей чарующей хандрой....

Фата-Моргана.

Таганрогъ. 1 Января, 1844.

СѢВЕРЪ.

У оконъ бушуетъ вьюга,
Стѣклы меркнуть и дрожать;
Но мои подъ небо юга
Мысли грустныя летятъ.
Тамъ теперь другое время:
Тамъ на небѣ такъ свѣтло,
Въ землю брошенное сѣмя
Пышнымъ цвѣтомъ возрасло;
Тамъ природа прихотлива,
Люди созданы для нѣгъ;
Въ полѣ финикъ и олива,
На горахъ холодный снѣгъ....

Сѣверъ грустный, сѣверъ бѣдный!
Я умру въ твоихъ снѣгахъ,
Какъ лучи денницы блѣдной
На угрюмыхъ небесахъ.
Я ко льдамъ твоимъ прикованъ
Сѣверянкой молодой,
Тѣплымъ чувствомъ очарованъ
И таинственной душой.
Я найду-ль на злчномъ югѣ
Добрыхъ сѣверныхъ людей
И глаза моей подруги,
И сердца моихъ друзей?...

Фата-Моргана.

Харьковъ.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА.

=

Года летать и духъ и тѣло сокрушая.
Утратилъ много я и много позабылъ,
Пршедшее хранить и помнить не желая,
Но изъ всего одно я въ сердцѣ сохранилъ....
Я память сохранилъ о женщинѣ любимой,
И съ памятью о ней разстаться не могу,
Звѣздой любви ея путеводимый,
Я память о землѣ для неба берегу.
Я времени отдамъ безъ содроганья
И свѣточъ разума, и страсти, и мечты,
Чтобъ только жить воспоминаньемъ
Среди душевной пустоты; —
И отъ земли, что сердцу мило
Я сберегу для жизни за могпой....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

ЯВОРЪ.

(Изъ Греческой антологіи.)

=

Прійди подъ сѣнь мою, пришелецъ запоздалый!
Когда наляжетъ мгла надъ доломъ и рѣкой,
И горы темныя освѣтитъ отблескъ алый
Зарицы золотой;
Когда надъ темными, пѣвыми берегами
Камышъ зашелеститъ зелеными листьями, —
Я, какъ вѣнцомъ, главу твою,

Въ вечернемъ сумракѣ, уныло обовью
Широкими, тѣпистыми вѣтвями;
При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,
И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ.....

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

ЧУМАЦКІЯ МОГИЛЫ.

Есть много въ Украинѣ
На нивахъ широкихъ
Могилъ молчаливыхъ,
Могилъ одинокихъ.

Не грозные Турки
Въ могилахъ тѣхъ спятъ,
Не кости казаковъ
Подъ ними лежатъ.

Могилы убитыхъ
Бойцовъ не высоки, —
Но эти курганы
Темны и широки.

Безъ горя по волѣ,
Безъ тайной тоски,
Въ пустынныхъ могилахъ
Лежатъ чумаки.

Въ степи молчаливой,
Въ степи малолюдной
Глубокъ и печаленъ
Ихъ сонъ непробудный.

Есть давній обычай
Въ Украинѣ моей :
Когда умираетъ
Чумакъ средь степей, —

Собраты собрата
Съ мольбой погребаютъ,
И тихо могилу
Въ степи покидаютъ.

И если вблизи той
Могилы степной
Проходитъ порою
Въ Крымъ таборъ другой,

Украинцы горстью
Тамъ землю бросаютъ,
И съ чистой мольбою
Отъ ней отъѣзжаютъ.

Такъ эти курганы
Все выше растутъ,
И чаберомъ пышно
По нивамъ цвѣтутъ,

И вольныя птицы
Надъ ними летаютъ,
И вѣтры печально
Въ степи завываютъ.....

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

* * *

Мечты и пламень вдохновеній
Въ душѣ высокой онъ таилъ,
И въ скорбной жизни добрый геній
Его на путь благословилъ.
Минутъ отрады и страданья
Никто съ нимъ въ мірѣ не дѣлилъ,
Но за высокое призванье
Онъ жизнь тяжолую любилъ.
И жилъ онъ пламенной мечтою,
И жизнь таинственно текла;
Но рано мощною рукою
У жизни смерть его взяла!

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

НОГОТОКЪ.

(Н. А. Кул....ву.)

=

Въ огородѣ зеленѣя,
Не фіалка, не лилея —
Цвѣлъ душистый ноготокъ.

—

И казачка молодая
Въ день плѣнительнаго Мая
Сорвала его въ вѣнокъ.

—

И вѣнокъ она свивала,
Къ утру друга ожидала,
И пришелъ къ ней милый другъ.

Очи черныя зардѣлись,
Ярко щоки загорѣлись,
И забилося сердце вдругъ.

«Мой казакъ! Тебя ждала я,
И въ вѣнокъ тебѣ свила я
Вмѣстѣ съ розой поготовъ.»

Такъ казачка говорила,
И на-память подарила
Другу милому вѣнокъ.

Но не много той порою
Къ ней съ отрадою прямою
Свѣтлыхъ радостей пришло....

Пролетали дни за днями....
Разъ кровавыми лучами
Солнце степь сухую жгло....

И таинственно, печально
Звонъ тревожный, погребальной
Въ деревушкѣ пролеталъ.

Гробъ изъ церкви выносили:
То казачку хоронили...
Грустно вѣтеръ завывалъ....

Гдѣ-жъ казакъ — о томъ не знали;
Лишь цвѣты одни лежали
У могилы изъ вѣнка.

По-веснѣ, когда запѣли
Птицы въ полѣ, зеленѣли
Грустно стебли ноготка.

Я. Щоголевъ.

Ахтырка. 1843.

РАСЧЕТЪ.

Когда развертываю я
Безмолвный свитокъ жизни блѣдной,
Итогъ пустаго бытія,
И бесполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
Пройдетъ обычной чередою,
Печальный рядъ печальныхъ дней
Съ его томительной тщетою;

Тогда рождается во мнѣ
Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
Ужель въ одномъ безцвѣтномъ снѣ
Мой вѣкъ прошелъ безъ назначенья?

Или оковавъ суетой,
Я цѣли тайной не замѣтилъ,
И ни единою чертой
Духовной жизни не отмѣтилъ?

И мнѣ благая часть дана;
Но я надъ нею тернъ посѣялъ
И животворнаго зерна
Не возрастилъ, не возлелѣялъ,

Я своевольно издержалъ
Мои божественныя силы,

И нынѣ мертвый капиталъ
Несу къ дверямъ моей могилы,
У этой пропасти безъ дна,
Со страхомъ жизнь мою объемлю:
Я ни единого зерна
Не положилъ въ родную землю.

Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
Ничѣмъ я жизни не украсилъ,
Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ.

Но ежели, какъ вялый сонъ,
Мой вѣкъ и суетенъ и мраченъ,
Зачѣмъ по-крайней-мѣрѣ онъ
Грѣхомъ могучимъ не означенъ,

Зачѣмъ не внесъ онъ новыхъ ранъ
Въ глухую повѣсть человѣка —
И двинулъ бы блатой обманъ
Пружинны дремлющаго вѣка.

Но нѣтъ, и дикъ и теменъ онъ,
Безъ вдохновенія и силы,
Однообразный, вялый сонъ,
Могилы жизни до могилы!

Э. Губеръ.

РАЗЛУКА.

И горько онъ плакалъ, садясь на коня,
И я проводила солдата.
Прощаясь онъ называлъ сестрою меня,
Я стала молиться за брата.

Со славой и честью вернулись полки,
Не стало простора объятьямъ :
Нѣжнѣй цаловали дѣтей старики
И сестры ласкались къ братьямъ.

Однажды къ нимъ чернѣй гусаръ прискакалъ,
Страшнѣе покойника съ виду.
Твой братъ нареченный—убить, онъ сказалъ:
Вели отслужить понихиду.

Я за-мертво пала на камни крыльца
И снова очнулась для муки.....
Я жду не дожудся страданьямъ конца
И съ міромъ отрадной разлуки.

А всюду, какъ призракъ, меня—день и ночь
Преслѣдуетъ образъ гусара
И слушать и думать, мнѣ стало не въ мочь:
«Твой братъ не воротится, Сара.»

Н. Степановъ.

* * *

Есть образъ у меня живой,
Въ дѣлахъ добра руководитель,
Онъ мнѣ гроза и утѣшитель,
Моя тревога и покой!

Священнымъ пламенемъ объятай,
Я передъ нимъ и добръ и тихъ,
Въ душѣ, напѣиемъ богатой,
Гремитъ нерукотворный стихъ.

Тѣхъ мыслей въ рѣчи не уложишь,
Тѣхъ чувствъ не перельешь въ слова
И самъ едва постигнуть можешь,
О чемъ поетъ твоя душа.

Н. Кукольникъ.

ПОДАРЕННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Камелія рдѣетъ, камелія пышетъ,
Волнуетъ, сжигаетъ всю кровь;
Мятежное пламя живетъ въ ней и дышетъ,
И въ сердце вливаетъ любовь.

Откуда-жъ такая волшебная сила
Въ мгновенномъ, ничтожномъ цвѣткѣ?
Его ты на персяхъ весь вечеръ носила
И въ милой держала рукѣ.

Бернетъ.

МИССИОНЕРЪ.

=

Мы обыкновенно думаемъ, что въ революціонной Франціи нѣтъ уже ни вѣры, ни алтарей. Мысль не совсѣмъ справедливая. Тамъ есть еще остатки католицизма, стараго католицизма, который нѣкогда спорилъ съ гугенотами и обращалъ ихъ убѣжденіями и мечемъ,—того католицизма, который, не смотря ни на какія отношенія къ нему большинства, вездѣ и всегда остается одинъ и тотъ-же.

Вотъ происшествіе, которое рассказывали мнѣ въ Ліонѣ.

Недалеко отъ хорошенькой деревеньки Делашо, на холмистомъ берегу Соны, есть небольшой сельской домикъ. Кудрявыя столѣтнія липы совершенно закрываютъ его отъ глазъ прохожаго; изъ него-же, вся равнина, излучистая Сола, множество деревень съ ихъ стрѣльчатыми колокольнями, рощи, луга, далекія горы и вправо древній Ліонъ подъ сѣнію своего святаго Фурвьера (*), все видно какъ на блюдечкѣ. Въ этомъ домикѣ еще недавно жило семейство, не богатое, но счастливое, въ своей посредственности, семейнымъ миромъ, любовью и трудомъ, равно раздѣленнымъ. Отецъ служилъ въ какомъ-то торговомъ домѣ, мать шила бѣлье, по подряду, въ одинъ богатой магазинъ; старшій сынъ былъ пристроенъ въ Парижѣ также въ коммерческомъ домѣ, а дочери помогали матери разкраивать батисты и поlotно.

Каждую весну все семейство переселялось въ маленькой домикъ—это было не болѣе какъ съ версту отъ Иль-барбѣ, откуда каждый день нѣсколько омнибусовъ отправляются въ городъ. М-мъ Сеп-Пре была Швейцарка; а какъ Швейцаркѣ весною не подышать воздухомъ полей? Въ маленькомъ своемъ садикѣ она разводила цвѣты, поливала салатъ и брунколи; утромъ, усадивъ меньшихъ дѣтей около столпка, заставляла ихъ читать и писать,

(*) Фурвьере — имя холма, у подножья котораго выстроенъ городъ. На вершинѣ его есть старинная церковь и образъ Фурвьерской Божіей матери, очень уважаемой въ окрестности.

сама шла возлѣ нихъ и по временамъ посматривала въ каминъ, гдѣ по-легохоньку перебирался въ горшкѣ семейный супъ. Въ жаркой полдень, въ бесѣдкѣ обвитой каприфолими, работала съ дочерью, между-тѣмъ какъ меньшая читала главу изъ священнаго писанія; когда-же вечеръ спускался надъ рѣкою, она выходила на террасу и тамъ, смотря на темное небо, устѣянное звѣздами, говорила дѣтямъ о добрѣ, о милосердіи Бога и безсмертіи души, о которыхъ, въ прошедшее воскресенье, такъ краснорѣчиво и убѣдительно говорилъ пасторъ въ короткой и простой проповѣди своей. Сен-Пре были кальвинисты. Нѣкогда отцы ихъ покупали кровью свободу слушать слово Божіе по своему произволу; теперь-же дѣти смиренно жили между католиками, равно прикрытые всеобщимъ равнодушіемъ къ дѣлу религіи. Въ конторѣ не спрашивали, какую вѣру исповѣдывалъ Сен-Пре; въ магазинѣ не допытывались, въ протестантскомъ-ли храмѣ или въ соборной церкви святаго Іоанна слушаетъ обѣдню м-мъ Сен-Пре, или даже и слушаетъ-ли ее? Оба были исправны, точны, усердны—чего же болѣе для общества, которое уже все подвело подъ цифры?

Рядомъ съ домкомъ Сен-Пре была дача г-на Мореля, такъ-что одна только частая загородка изъ боярышника и то по мѣстамъ выпавшая, да неширокая канавка, раздѣляли сады двухъ владѣній. Сосѣдъ Морель занимался также коммерціею и былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ старикомъ Сен-Пре. Они вмѣстѣ отправлялись утромъ въ городъ, вмѣстѣ вечеромъ возвращались въ деревню; обѣдали у одного ресторатора, и часто вмѣстѣ заходили въ кофейню выпить по чашкѣ кофе, прочесть журналы и потолковать о выборахъ, о торговлѣ, и тому подобное; но дома они рѣдко видались. Морель былъ вдовъ и жилъ съ меньшимъ сыномъ и сестрою, старою дѣвушкою; а какъ она была одною изъ самыхъ ревностныхъ католичекъ во всей южной Франціи, считая отъ Ліона до Марсели, то и смотрѣла какъ-то не очень дружелюбно на сосѣдей—сретиковъ. Дѣвица Морель была ангелъ между старыми дѣвушками. Разумѣется, въ молодости она, какъ и всѣ, мечтала, любила, разочаровалась; но у нее разочарованье не подняло нисколько желчи, напротивъ, она увѣрила себя, что положеніе старой дѣвицы было очень душеспасительно, и потому все, что было теплаго въ душѣ, обра-

тила въ высокую набожность, не пропускала ни одной обѣды, нѣсколько разъ въ день перебирала четки, читая аве и патенотры, и отъ всего сердца молилась, чтобъ небо возвратило къ общему стаду заблудшихся овецъ. При этомъ словѣ она обыкновенно взглядывала на брата, который, къ-несчастью, думалъ болѣе о газетахъ, чѣмъ о проповѣди, и потомъ на сосѣдскихъ дѣтей, которыя вѣчно играли у нее въ глазахъ, сидѣла-ли она въ саду или на балконѣ въ палисадничкѣ. Она не могла видѣть безъ сожалѣнія этихъ дѣтей. Всѣ они были такъ хороши, румяны, свѣжи и такъ ласковы. Не жалость ли? особенно меньшая, Тереза. Ее особенно жалѣла старая дѣвушка. Что за прелестной ребенокъ была эта Тереза! Глаза черные, задумчивые, нѣжныя, а кожа розовая, тонкая, прозрачная. И какъ хорошо разсыпались свѣтлыя кудри по атласистымъ плечикамъ дѣвочки! Какъ хороша она была, когда садясь у ногъ старой дѣвушки, на травѣ, играла четками и, слушая ея рассказы, смотрѣла въ глаза старушки такъ мило, такъ вкрадчиво..... Да, Тереза хаживала къ старой дѣвушкѣ. М-мъ Сен-Пре безъ затрудненія отпускала къ ней дочь, хотя сама и не была знакома; и почему же не такъ? Дай Богъ, чтобъ добрые люди любили дѣтей: пригодится имъ впередъ. Вотъ какъ случилось это знакомство.

Я сказала уже, что сады двухъ сосѣдей раздѣлялись только живою оградой. Въ домѣ, гдѣ жилъ Морель, не было другихъ дѣтей кромѣ Генриха, сына его, и потому бѣдный мальчикъ долженъ былъ играть всегда одинъ, между-тѣмъ возлѣ полдюжины дѣтей всѣхъ возрастовъ, рѣзвились, кричали, шумѣли; какъ устоять противъ такого искушенія? Разумѣется, Генрихъ воспользовался первою лазейкою, и вотъ онъ съ еретиками и шумитъ не меньше ихъ. Дѣвица Морель услышала и ахнула, увидя, въ какое неблагочестивое общество попалъ племянникъ. Зоветь его, кричитъ, бранить, и даже привязала за ногу, на веревочку, къ своему стулу: но такова природа человѣческая: чѣмъ строже запрещеніе, тѣмъ сильнѣе желаніе. Лишь только веревочка съ ноги—Генрихъ въ лазейку, а тамъ, за канавкой, уже стоитъ Тереза и кричитъ: Генрихъ, Генрихъ, скорѣе!—и оба бѣжать, оставляя старой тетушки заботу искать племянника по всему саду. И такъ было почти каждой день. Тетушка посмотритъ—Генрихъ въ саду, на яблонѣ, подаетъ Терезѣ луч-

шія рапеты; на лугу — опять вмѣстѣ, поодаль отъ всѣхъ, и Генрихъ что-то рассказываетъ своей любимицѣ. Одинъ разъ даже — старая дѣвушка возвращалась изъ церкви съ духовникомъ своимъ; дорога шла мимо кладбища; смотрятъ, въ сторонкѣ, подъ кудравымъ чинаромъ, надъ могильнымъ камнемъ покойной Морель, Генрихъ и Тереза — и оба молятся на колѣнахъ. Лучи заходящаго солнца падали прямо на личико Терезы; это милое личико, обращенное полу-профилемъ къ старой дѣвущкѣ и набожно склоненное, вдругъ показалось ей необыкновенно похожимъ на херувима въ запрестольномъ образѣ ихъ приходской церкви, обожающаго Мадонну. Она задумалась и странная мысль мелькнула въ головѣ ея: что значитъ эта привязанность Генриха къ дѣвочкѣ! кто знаетъ?... судьбы Божіи неповѣдны... и во всю дорогу, послѣ того, она говорила съ священникомъ тихо и съ чувствомъ.

Въ тотъ-же вечеръ старая дѣвушка, увидя Терезу у своего пашадничка, зазвала ее къ себѣ. Дѣвочка испугалась-было: Генрихъ изъ-за рѣшотки подавалъ ей цвѣты! Однако ее звали такъ ласково..... Съ-тѣхъ-поръ Тереза была въ домѣ все чаще и чаще, и даже старая Морель одинъ разъ рѣшилась сама идти къ сосѣдямъ. Съ-тѣхъ-поръ многое перемѣнилось. Генрихъ и Тереза были неразлучны. М-мъ Сеп-Пре часто отлучала дочь съ сосѣдкою на Фурвьеръ или въ церковь Кальвера, съ террасы которой такъ хорошо видны были вершины Монблана. Генриху особенно нравилось это мѣсто. Онъ любилъ взорами слѣдить лучъ заходящаго солнца, умирающаго на этихъ чистыхъ вершинахъ, когда они, въ часъ вечера, какъ опалы сіяютъ въ синевѣ небесной; любилъ и уединеніе и развалины, покрывающія самый холмъ, и пустынную дорогу къ древней церкви Фурвьера, — а Тереза — ей нравилось все, что нравилось Генриху. Тереза, дѣвочка, любила уже какъ женщина, которая въ сердечной привязанности не живетъ уже собственною жизнію, и видитъ и слышитъ чувствами милого ей существа. Генрихъ былъ старѣе Терезы тремя годами и одинъ изъ всѣхъ дѣтей, особенно занимался ею. Онъ переносилъ ее черезъ ручей, когда она, робкая, не смѣла подтиодна; онъ дожидался ее, когда она, меньшая всѣмъ, отставала на бѣгу — и Тереза во всякомъ затруднительномъ случаѣ привыкла искать глазами своего Генриха и вѣрить въ него

какъ въ свое провидѣніе. Между-тѣмъ характеръ Генриха развивался страннымъ образомъ и это имѣло вліяніе и на характеръ Терезы. Еще въ дѣтствѣ живой и рѣзвый, онъ не рѣдко, посреди самыхъ веселыхъ игръ, вдругъ задумывался, оставлялъ шумный кругъ товарищей и уходилъ на берегъ рѣки или въ рошу, гдѣ сидѣлъ одинъ по цѣлымъ часамъ. Эта склонность къ уединенію, увеличивалась съ каждымъ годомъ. Часъ-отъ-часу онъ становился задумчивѣе; казалось даже, что онъ только изъ приличія раздѣляетъ забавы другихъ и не рѣдко принужденная улыбка его говорила, что ему становятся не понятными радости ихъ. Все его веселье, вся его радость теперь была — уединенная прогулка и присутствіе его Терезы, веселой, безпечной, но внимательной къ каждому его слову и одаренной душою, которая, какъ чистое зеркало, отражала каждое его чувство, каждую мысль. Не рѣдко они уходили вмѣстѣ на край деревни, туда, гдѣ, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ, покоился прахъ матери Генриха; иногда входили въ церковь, гдѣ старый священникъ приносилъ жертву на алтарѣ Богоматери, и тамъ, склоняя головы при звукѣ колокольчика, призывали вмѣстѣ благословеніе неба. Родные видѣли эту дружбу и оставляли въ покою дѣтей. Тереза была еще ребенокъ. — Съ годами все пройдетъ, говорила м-мъ Сен-Пре; между-тѣмъ Тереза привыкала жить и мыслить душою Генриха, и до-сихъ-поръ ни тому, ни другому жизнь порознь не представлялась еще возможною.

Наступало время перваго приобщенія Генриха; эпоха торжественная у католиковъ, и еще болѣе торжественная въ домѣ Морелей, потому-что старая дѣвушка видѣла въ ней важнѣшій актъ жизни, и самъ Генрихъ, воспитанный теткою въ ея правилахъ, приготовлялся съ большимъ благоговѣніемъ и радостію... Но онъ былъ печаленъ, возвращаясь изъ церкви по окончаніи церемоніи, и вечеромъ встрѣтился съ Терезою въ саду, признался смущенной дѣвушкѣ, что она была причиною этой печали. — Для чего ты не католичка, Тереза? говорилъ онъ, обнимая ее со слезами на глазахъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, это была первая торжественная радость въ его жизни и Тереза не дѣлила ее съ нимъ. Когда въ церкви онъ увидѣлъ дѣвушекъ подъ бѣлыми покрывалами, въ одеждѣ невинности и чистоты, приступавшихъ съ нимъ вмѣстѣ къ алтарю, сердце его забилось; онъ искалъ

между ними Терезу, но ея не было, и тогда въ первый разъ Тереза представилась ему чужою. Сердце его сжалось; ему показалось, что у него, отняли пол-жизни. Миръ безъ Терезы, самое небо, гдѣ, по словамъ священника, еретичка не могла быть, это небо показалось ему познаниемъ, и теперь, когда возвратясь къ ней, онъ видѣлъ ея черные, нѣжные глаза, ея милую улыбку, онъ въ первый разъ замѣтилъ, что никого не было лучше Терезы, и при мысли, что она ему чужая, готовъ былъ отдать за нее самое небо, если она не можетъ съ нимъ раздѣлять его... Страшная мысль! и какъ могла она родиться при Терезѣ, подъ лучами этихъ взоровъ, столько чистыхъ, столько покойныхъ, при этой улыбкѣ, достойной серафимовъ, когда они поютъ хвалы небу?

Голось тетки извлекъ и заставилъ вздрогнуть Генриха. Онъ взялъ Терезу за руку и оба пошли къ дому.

— Ты теперь уже не дитя, Генрихъ, говорила старая дѣвушка, отведя его въ сторону. Эти уединенныя прогулки съ Терезою уже не приличны вамъ. Подумай, она тебѣ не сестра; а такъ можно быть только съ сестрою или невѣстою; Тереза же не можетъ быть тебѣ невѣстою,—и при этомъ словѣ старая дѣвушка печально подняла глаза къ небу, какъ обыкновенно случалось, когда она говорила объ еретикахъ...

Г-жа Сен-Пре почти также говорила дочери, разумѣется, только не поднимая глазъ къ небу, и съ-тѣхъ-поръ многое перемѣнилось для молодыхъ людей. Тереза, изъ угожденія матери, готова была безъ ропоту перемѣнить обхожденіе свое съ Генрихомъ; но когда она увидѣла, что онъ удаляется отъ нее, не ищетъ ее ни въ саду, ни на берегу—тогда—прости благоразуміе! Это не осторожность, не приличіе, думала она, нѣтъ! это холодность, Генрихъ разлюбилъ ее.—Научите женщину вѣрить любви, которая ничѣмъ не измѣняетъ себя: она согласится, пожалуй, скрывать ее при людяхъ; но ей надобно вознагражденія, ей надобны слезы, вздохи, ласки, весь милый причетъ любви.... и Тереза проводитъ ночи безъ сна и плачетъ думая о Генрихѣ.

Одинъ разъ она помогала старой дѣвущкѣ подвязывать флорусы въ цвѣтницѣ; онѣ разговаривали, смѣялись и не замѣтили какъ пришла гостя. Дѣвица Морель оставила Терезу и сѣла на скамѣечкѣ съ пришедшею. Тереза, оставшись одна, посмотрѣ-

ла вокругъ себя. Двѣ старушки сидѣли поодаль отъ нее; она была одна — прежде Генрихъ былъ-бы съ нею; теперь по цѣлымъ днямъ его нѣтъ дома, или онъ читаетъ запершись въ своей комнатѣ. Крупная слеза скатилась съ рѣсницъ бѣдной дѣвушки и какъ росинка запала въ чашечку цвѣтка. Тереза продолжала работу.

— У васъ была гостя сегодня? спросила новоприбывшая хозяйку.

Денуа? да. Имъ очень хочется познакомиться съ нами по-короче. У нихъ дѣти и они все зовутъ Генриха къ себѣ.

Въ эту минуту послышался шорохъ въ кустахъ, не далеко отъ Терезы; она затрепетала и уронила тычинку изъ рукъ.

— А развѣ вамъ это непріятно? продолжала гостя.

— Откровенно вамъ скажу: да. Я ничего не могу сказать противъ семейства Денуа. Но вотъ видите, этою зимою Генрихъ долженъ будетъ ѣхать въ Парижъ для окончанія наукъ. Молодой Денуа также поѣдетъ. Если они еще здѣсь сдружатся, то, конечно, эта дружба будетъ и тамъ продолжаться, и по возвращеніи, Генрихъ сдѣлается короткимъ въ домѣ, а мнѣ бы этого не хотѣлось. Конечно, въ наше время почитается смѣшнымъ говорить о религіи; вѣра отцевъ забыта; она стала всѣмъ дѣломъ чужимъ; однако есть еще сердца вѣрные Богу, и я увѣрена, сколько братъ мой не кажется преданнымъ свѣту, но я увѣрена, что онъ никогда не согласится, чтобъ такъ называемая реформатка, вошла въ наше семейство,—а у Денуа есть дочери, и хорошенькія...

Холодный потъ выступилъ по лицу бѣдной дѣвушки. Она не замѣтила взора брошеннаго на нее дѣвицею Морель. Сердце ея сжалось; душа открылась страшному свѣту: быть-можетъ, и Генрихъ думаетъ также.

Она не замѣтно ускользнула изъ саду и, сама не зная какъ, очутилась на кладбищѣ, на могилѣ матери Генриха. Давно уже эта могила была любимымъ мѣстомъ, куда уходила она отъ веселыхъ подругъ,—алтаремъ, у котораго училась она проливать первыя свои слезы.—Реформатка, реформатка! продолжала она; святая тѣнь! ужели и ты отвергаешь меня?—и горькія слезы ея лились на холодный камень. Она обнимала могилу, какъ-бы же-

лая пробудить въ ней состраданіе, и вдругъ легкой трепетъ пробѣжалъ по жиламъ ея: передъ нею былъ Генрихъ.

О, тогда все, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней скопилось на душѣ бѣдной дѣвушки, все, что думала она, объ чемъ грустила, она, дитя, она все высказала своему Генриху. Онъ сидѣлъ возлѣ нея, обнималъ ее одною рукою, другою сжималъ руку ея; онъ говорилъ, какъ и онъ страдалъ, какъ убѣгалъ ее, потому-что ему было тяжело ее видѣть. Видъ Терезы напоминалъ ему, что она ему чужая. — Какъ-будто-бы Тереза могла быть мнѣ чужою! говорилъ онъ. Чтò мнѣ пужды до твоего закона? я буду любить тебя какъ сестру и мы будемъ счастливы.

Ахъ! Генриху было только 16-ть лѣтъ.

— Будемъ! говорила Тереза и хотѣла вѣрить; но въ сердцѣ, противъ воли, что-то говорило: чужая ему! и приходилъ на память разговоръ слышанный въ саду.....

Прошли годы. Опять лѣтнее солнце вызвало городскихъ жителей въ поля. Опять разцвѣла фіалка въ лѣсахъ и теплая ночь съ яркими звѣздами сходитъ надъ рѣкою. — По излучистой тропинкѣ, вдоль берега идетъ молодой человѣкъ, въ дорожномъ платьѣ, съ маленькой дорожной сумкою за спиной. Свѣтлорусые кудри выются по плечамъ, легкой румянецъ играетъ на щекахъ, взоры привѣтливо ласкаютъ каждый предметъ, какъ милаго, стариннаго знакома. Но вотъ онъ въ саду, вотъ на знакомой лавочкѣ сидитъ старая дѣвушка, съ очками, въ чепчикѣ и возлѣ нея....

Тереза ли это? Тебя-ли, наконецъ, видитъ Генрихъ послѣ долгаго отсутствія; онъ не смѣетъ дышать, радость сжимаетъ грудь; не вѣритъ самъ себѣ. Вотъ она! какъ-будто воздухъ вокругъ нее дышетъ чѣмъ-то чистымъ, младенческимъ, какъ-будто-бы свѣтъ мягче и пріятнѣе. И какъ во сто кратъ стала лучше, прекраснѣе Тереза! Эти полныя, атласныя плечи, эта грудь, трепещущая радостью свиданья, этотъ румянецъ.... О! какъ перемѣнилась она съ-тѣхъ-поръ, какъ въ послѣдній разъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, Генрихъ поцѣловалъ ея щеку, омоченную слезою прощанья. Пять лѣтъ онъ не видалъ Терезы, пять лѣтъ, въ шумномъ, богатомъ развлеченіи и весельемъ Парижѣ, она была далекою звѣздою, къ которой обращались глаза его, когда ду-

ша, утомленная не свойственною ему жизнью, искала въ прошедшемъ чего не доставало ей, — чистыхъ радостей; иногда, въ часы вечерняго труда, милый образъ Терезы являлся ему и будто звалъ впередъ, общая награду за трудъ; иногда, послѣ шумной пирушки, гдѣ онъ искалъ веселья и находилъ одно раскаянье и пустоту, она была опять при немъ, тихо упрекала и мягкой голосъ шептала: забудь! не здѣсь, со мной святое счастье.... И вотъ она, вотъ эта Тереза, и лучше, милѣе прежняго, и по-прежнему пѣжна, и по-прежнему довѣрчива....

И вотъ Тереза опять счастлива возлѣ своего Генриха. Безъ него, неумышленные или умышленные намеки старой дѣвушки тревожили Терезу. Не рѣдко, въ дружескихъ бесѣдахъ, она рассказывала своей молодой пріятельницѣ о Парижѣ, гдѣ жила въ молодости; описывала великолѣпные храма Парижской Богоматери, его величественные своды, его готическіе алтари, торжественность обрядовъ, и прибавляла: о! я еще не отчаиваюсь помолиться тамъ съ Генрихомъ. Для чего ты, Тереза, не можешь быть съ нами! — и Тереза невольно вспоминала разговоръ слышанный въ саду. Никогда набожная старушка не говорила ясно Терезѣ о ея религіи; но многое въ разговорѣ ея, не открыто, но понятно напоминало дѣвушкѣ о преградѣ, которая раздѣляла ее съ Генрихомъ, и часто, слушая похвалы, съ которыми старушка говорила о своемъ духовенствѣ, восторгъ, съ которымъ объясняла таинственный смыслъ своихъ обрядовъ, особливо, когда старая дѣвушка, со слезами на глазахъ, говорила: о! еслибъ я могла назвать тебя моею дочерью! — Тереза думала: что это? ужъ нѣтъ-ли какихъ замысловъ въ головѣ моей Морель? не хочетъ-ли она, чтобъ я отказалась отъ вѣры моихъ отцовъ для того, чтобъ... и она краснѣла при мысли, давно составлявшей предметъ ея тайныхъ желаній. — Конечно, Богъ вездѣ одинъ и тотъ-же, продолжала она: но отецъ мой, матушка? согласятся ли они? Никогда. Неужели же онъ захотятъ, чтобъ я отказалась отъ Генриха? Нѣтъ; но они скажутъ: развѣ вы не можете быть счастливы ходя въ разные храмы? Да, да! но для чего же Генрихъ не такъ думаетъ.

При Генрихѣ же эта мысль не тревожила ее. При немъ любовь была единственною религіею ея души. По себѣ судила она и о сердцѣ Генриха, и, быть-можетъ, не ошибалась. Ген-

рихъ любилъ ее, какъ могла любить его душа. Но есть люди, которые носятъ въ сердцѣ образъ невѣдомаго имъ блаженства; они преслѣдуютъ его непрестанно, увлекаются всѣмъ, что представляетъ хотя малѣйшее сходство съ нимъ, предаются всякому новому чувству, и все напрасно: въ глубинѣ души ихъ, тайный голосъ шепчетъ имъ: не то, не то! и они горестно идутъ на встрѣчу новому обману. Ничто земное не удовлетворяетъ души ихъ, какъ-будто бы само небо открыло имъ тайны своего блаженства. Таковъ былъ Генрихъ. Въ Парижѣ, посреди шумнаго веселья, посреди пировъ, шалостей, товарищей и прекрасныхъ женщинъ, Генрихъ говорилъ: не то! это несчастіе!—и мечта представляла ему кроткой образъ Терезы, любящей и нѣжной. Теперь, возлѣ Терезы, посреди чистыхъ радостей любви, онъ съ удивленіемъ нашелъ въ сердцѣ тотъ-же самый недостатокъ блаженства и, усыпленная подъ напѣвы любви, душа его пробудилась съ мыслию: не то!

И горько было это сознаніе. Когда въ ясное утро, рука объ руку съ Терезою онъ шелъ по цвѣтущему берегу рѣки и взоры Терезы, оживленной красотою весенняго дня, говорили ему о счастіи и любви, онъ задумчиво опускалъ голову на грудь и думалъ: нѣтъ, не то! Есть другое счастіе. Ни прекрасный Божій міръ, ни жизнь, ни самая любовь не въ силахъ дать его; гдѣ жъ она? — и взоры его искали отвѣта въ небесахъ.

Что было дѣлать Терезѣ? она плакала, худѣла, поблѣднѣла. Вся преданность, вся любовь—она, кажется, для счастія Генриха готова была-бы отказаться отъ него самаго. Но Генрихъ любилъ ее,—она это видѣла, она этому вѣрила. Отчего же эта задумчивость, эта печаль?

Родные Терезы замѣчали отношенія ея къ сосѣду; но они не сомнѣвались въ благородныхъ видахъ молодого человѣка, извѣстнаго имъ своими правилами и честностію; старая Морель все знала и видимо сама покровительствовала склонности молодыхъ людей; что-же могло беспокоить Генриха?

— И ты этого не знаешь, Тереза? говорила старушка любимицѣ своей. Съ нѣкотораго времени она совершенно овладѣла довѣренностью молодой дѣвушки и, казалось, не смотря на морщины свои, понимала жалобы больнаго сердца ея. Увѣряю тебя, Генрихъ любитъ тебя всею способностію души. Твое сча-

стіе и твоя любовь составляютъ всё желанія его. Вотъ и сегодня онъ говорилъ со мною о тебѣ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ....

— Говорилъ обо мнѣ? О, мой добрый другъ! скажите, скажите скорѣе.

— Я боюсь, Тереза....

— Чего? Бога ради! Я одного только боюсь — потери любви его.

— Что до этого—бояться нечего....

— Что-же?

Тереза! ты — кальвинистка; а ты знаешь, какъ онъ привязанъ къ своей религіи. — Тереза плакала.

— Генрихъ боится—что ты не захочешь пожертвовать ему своими заблужденіями — прости мнѣ это слово: мы такъ дурачась, Тереза.

Но Генрихъ не говорилъ ни слова. Онъ уѣхалъ, называя Терезу сестрою — она ждала другаго имени, ждала объясненія—Генрихъ былъ нѣженъ при прощаньи, обѣщалъ писать — и только.

И дѣйствительно онъ писалъ и очень часто. Письма его были исполнены любви и довѣренности. Сердце его свободно говорило съ подругою, избранною имъ съ самаго дѣтства; но съ каждымъ днемъ направленіе этихъ писемъ становилось какъ-то всё страннѣе. Генрихъ писалъ о высшемъ блаженствѣ, о ничтожествѣ земнаго счастья, краткости жизни, о совершенствованіи, какъ цѣли человѣка, и необходимости самопожертвованій, какъ средства къ этой цѣли. Высокое призваніе человѣка, великія истины религіи занимали цѣлыя страницы въ его письмахъ. Старая Морель толковала это въ пользу любимой своей мысли, а Тереза думала видѣть тайное желаніе Генриха, приготовить ее къ просьбѣ, которой ожидала.

Страданія Терезы были неописанны; сердце ея боролось между любовью и долгомъ; привычка цѣлой жизни, правила внушенныя съ младенчества, наставленія матери, любовь къ ней, всё возставало противъ страшной мысли отреченія; но образъ Генриха, но любовь говорила за эту мысль и Тереза колебалась. Можетъ-быть, нѣтъ положенія ужаснѣе этой нерѣшимости слабаго существа, которое не имѣетъ силы ни идти противъ совѣсти, ни отказаться отъ счастья, слушаясь голоса ея.

Тѣлесныя силы Терезы не выдержали этого страданія и изнурительная болѣзнь была слѣдствіемъ борьбы. Семейство не могло, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оставить деревню, гдѣ нельзя было имѣть всѣхъ необходимыхъ медицинскихъ пособій, и тогда дѣвица Морель предложила отпустить съ нею Терезу, говоря, что и безъ того должна была-бы этотъ годъ ранѣе обыкновеннаго переѣхать въ городъ. Семейство Сеп-Пре приняло съ благодарностію предложеніе сосѣдки и Тереза отправилась. Всѣ приняли за боязнь вѣчной разлуки, сродную положенію Терезы, горесть ея и слезы. — Нѣтъ, это не предчувствіе, матушка, говорила старшая сестра, стараясь утѣшить мать. Тереза еще такъ молода: она выздоровѣетъ. — Но отъ чего-же такъ плакала она разставаясь съ нами, повторяла бѣдная мать. Вѣдь это не въ первый разъ ѣдетъ она въ городъ съ дѣвицею Морель. Нѣтъ, слезы ея беспокоютъ меня....

Между-тѣмъ, въ домѣ Морель Терезу окружали дружба и нѣжнѣйшія попеченія. Добрая старушка ни на одну минуту не оставляла ее. Перѣдко набожная сестра милосердія проводила длинный вечеръ у постели больной и живымъ, веселымъ разговоромъ странствованій своихъ по чердакамъ бѣдныхъ, которые называла своими галереямъ, услаждала томительные часы безсонницы. Иногда старый духовникъ семейства Морель, рассказывалъ Терезѣ о дняхъ дѣтства Генриха, о набожной матери его; всего-же болѣе услаждали бѣдную страданницу письма Генриха, котораго любовь, кажется, пробудилась со всею силою при мысли объ опасности Терезы. Онъ умолялъ ее пешиись о своемъ здоровьѣ, жить для него, для счастья людей, любезныхъ ей; говорилъ, что надѣется скоро видѣть ее — и Тереза ожила. Нѣкоторые неясные намеки въ письмахъ Генриха о близкихъ надеждахъ, о близкомъ счастьи, наполняли душу ея тихимъ ожиданіемъ лучшаго. О да! она будетъ счастлива! ей позволена надежда и чудный рай мечты....

Съ каждымъ днемъ мать и сестры находили больную все лучше и лучше. Она видимо поправлялась; глаза оживились прежнимъ блескомъ, румянецъ возвращался, и не одну эту перемену замѣчали въ Терезѣ: она измѣнилась нравственно. Задумчивость и какое-то безпокойство, въ послѣднее время совершенно измѣнившій веселый характеръ дѣвушки — исчезли. Мѣсто

ихъ заступило спокойствіе и тихая важность. Теперь она была уже не слабое дитя, послушное рукъ его ведущей, нѣтъ, Тереза стала женщиною, умѣющею желать и покоряться когда должно было. Душа ея приняла новыя силы. Только иногда, смотря на мать, слезы навертывались на глазахъ ея и она становилась безпокойною....

Но странно: по мѣрѣ выздоровленія Терезы, дѣвица Морель становилась необыкновенно безпокойною. Съ нѣкотораго времени въ ней вдругъ замѣтили большую перемену. Она по-долго говорила съ духовникомъ, казалась озабоченною и какъ-будто таила какую-то тяжелую печаль.

Однажды — было прекрасное осеннее утро, — Тереза сидѣла подъ окномъ и смотрѣла на чистый небесный сводъ, незадернутый ни однимъ докучнымъ облакомъ. Лице ея выражало то тихое спокойствіе, которое наполняетъ душу, примиренную съ судьбою благодарностію. М-мъ Сен-Пре сидѣла противъ дочери, шла, и по-временамъ смотрѣла на нее, любясь легкимъ румянцемъ здоровья и особенно выраженіемъ тихаго счастья, которое, въ эту минуту, придавало необыкновенную прелесть лицу молодой дѣвушки. Старой Морель не было дома.

Вдругъ дверь отворилась — почталіонъ, письмо изъ Париза — отъ Генриха.

Давно уже отъ него не было писемъ. Особенно этого Тереза ожидала съ нетерпѣніемъ. Она срываетъ печать.

Прочла и наклонилась къ окну. Румянецъ сбѣжалъ съ лица, рука, державшая письмо, опустилась. М-мъ Сен-Пре, которая слѣдовала взорами за всѣми движеніями дочери, испугалась, встаетъ, — ничего, о, это ничего, мой другъ, говоритъ Тереза, и съ этимъ словомъ падаетъ безъ чувствъ на руки матери....

О! не возвращай ее къ жизни, бѣдная мать. Есть минуты, когда безпамятство — драгоценный другъ, а смерть — желанная гостья.

Первый взоръ Терезы встрѣтилъ взоръ матери; она зарыдала и бросилась на грудь ея.

Вотъ что было въ этомъ письмѣ, которое м-мъ Сен-Пре читала теперь, между-тѣмъ какъ дочь у ногъ ея рыдала, положила голову на колѣна матери.

«Тереза! милая подруга дѣтства! наконецъ свершилось пла-

менное желаніе мое: ты сестрами въ вѣчность не разлучить насъ. Помнишь-ли ты, когда послѣ перваго пріобщенія моего, я въ первый разъ увидѣлъ бездну насъ раздѣляющую? Съ-тѣхъ-поръ мысль, что мы будемъ молиться не у одного алтаря, что за могилкою я напрасно буду искать сестры моей — эта мысль тяжелымъ бременемъ лежала на душѣ моей. Давно уже тетушка ласкала меня счастливою надеждою: я не смѣлъ вѣрить ей, я только молился и плакалъ; и теперь ты сама, ты, моя сестра, моя Тереза, ты подтверждаешь мнѣ мое счастіе. — Тереза — католчка! Мы пойдемъ съ нею подъ однимъ знаменемъ къ престолу вѣчной благодати! Любимица души моей, дитя сердца моего! могу-ли когда-нибудь выразить словами мое счастіе? поймешь-ли ты его?

«О да! Благодать, коснувшаяся души твоей, должна была открыть мысленный взоръ твой. Ты видишь теперь истину, которая до-сихъ-поръ скрывалась отъ тебя.....

(Пропускаемъ все, что могло-бы безъ всякой пользы утомить читателя).

«Давно, Тереза, въ душѣ моей хранится тяжелая тайна. Я скрывалъ ее отъ товарищей, отъ родныхъ, отъ тебя-самой. Эта тайна была — страданіе, страданіе непонятное для меня-самаго. Въ молодости еще жизнь потеряла для меня всю прелесть. Я носилъ въ душѣ моей потребность счастія, искалъ его, къ нему стремился и, между-тѣмъ, все, что ни обѣщало мнѣ радость, было для меня горькимъ обманомъ. Дружба, забавы молодости, свѣтъ и самая любовь, — я не говорю о той пошлой любви, которою женщины, недостойныя этого имени, манятъ молодость, — нѣтъ, самая твоя любовь, Тереза..... близъ тебя, посреди чистыхъ радостей, которыми окружала меня твоя нѣжность, и тогда я чувствовалъ, что все это было еще недостаточно для сердца. Я чтилъ тебя какъ святыню, я зналъ, что недостойная любовь разрушила-бы послѣднюю прелесть моей жизни, низведя тебя, чистаго ангела, въ ряды обыкновенныхъ женщинъ; но самая эта прелесть, Тереза, была еще ничтожною, какъ все земное, тлѣнное.

«И ты сама, не такъ-ли думаешь и ты? Посмотри безъ предубѣжденія на жизнь. Что въ ней можетъ достойно наполнить душу человѣка? Забавы свѣта, людскія похвалы, почести? вѣрь

миѣ: это очарованное питье, котораго каждая капля, вмѣсто утоленія жажды, только разжигаетъ ее. Все больше-бы и больше хочется пить: жажда не утолена, а питье опротивѣло уже. Привязанность, любовь—скажу опять: взгляни на жизнь. Едва успѣетъ разцвѣсти утро — ужъ и вечеръ. Оглянемся назадъ: много прошло дней и что они? Были и радости, что осталось отъ нихъ? Гдѣ тѣ, которыхъ мы любили въ дѣтствѣ? гдѣ тѣ, которыхъ дружба счастливила насъ въ молодости? Многихъ нѣтъ уже; другіе измѣнились и мы одни бредемъ къ общей цѣли—могилѣ, оставляя по дорогѣ и любовь, и дружбу, и пріязнь... Все переходчиво, все измѣнчиво на землѣ. Не къ чему и прилѣпиться человѣку: все грозитъ ему близкимъ концемъ и, между тѣмъ, въ душѣ его живетъ потребность счастья неизмѣннаго, безграничнаго, безпредѣльнаго. Гдѣ же тайна его? Что одно не измѣняется, что провожаетъ его до могилы и на краю гроба зажигается еще свѣтлѣе, чѣмъ когда-нибудь?... Тереза! подожка руку на сердце, спроси его и оно скажетъ тебѣ: Божественная любовь.

«Такъ, Тереза, одна она способна утолить безконечную жажду души; одна она можетъ осуществить ея безпредѣльныя надежды; ей одной могъ я пожертвовать Терезой.....»

«....Превѣчное милосердіе не отвергло меня, молитвы мои были приняты. Сегодня, этими грѣшными руками, я сподобился принести чистую жертву на алтарѣ вѣчнаго Бога. Тереза! «я — священникъ.....»»

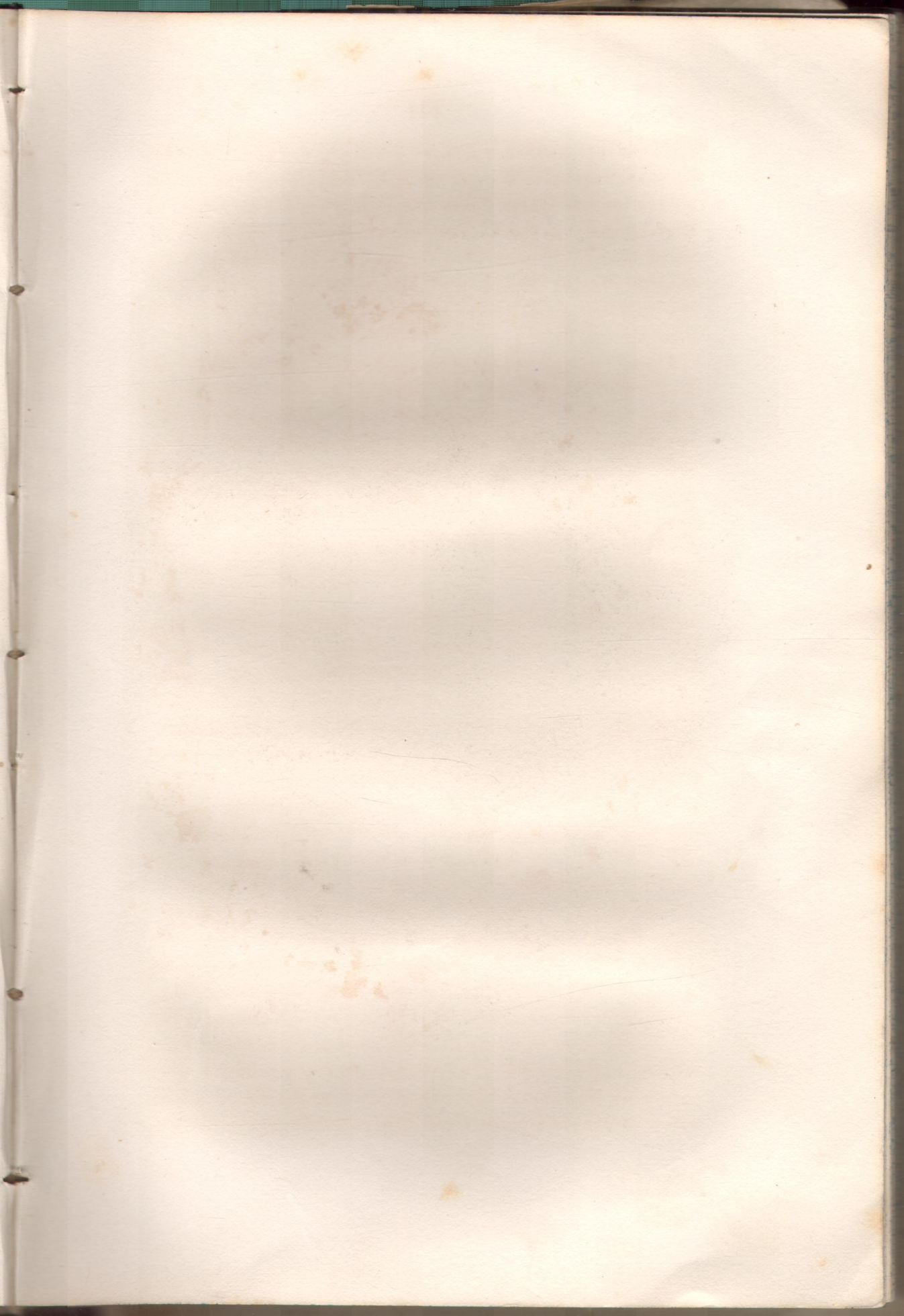
М-мъ Сен-Пре подняла дочь. Сердце матери поняло, безъ объясненій, что заставило бѣдную дѣвушку измѣнить вѣрѣ отцовъ, поняло и страданія ея и — простило.

.
Прошли два года. Архіепископъ ліонской, съ небольшою свитою, безъ шума, тихо прибылъ на Фурвьеръ. Карета его остановилась у монастыря сестеръ живой гробницы. Онъ вошелъ въ церковь и двери опять заперлись за нимъ. Торговый городъ шумѣлъ; по набережнымъ, въ узкихъ улицахъ, въ магазинахъ ронялся народъ; на биржѣ пересыпали тысячами; въ кофейняхъ толковали о дѣлахъ европейскихъ кабинетовъ, о новомъ законѣ о пошлинахъ, предложенномъ камерѣ депутатовъ; о славной актрисѣ, которая проѣздомъ будетъ играть на боль-

шомъ театрѣ, — но никто не зналъ, что въ обители, въ которую вошелъ архіепископъ, молодая дѣвушка, новообращенная, произноситъ вѣчные обѣты. Знали объ этомъ и плакали въ домикѣ на берегу Соны, да еще молились и радовались въ обителяхъ сестеръ милосердія, превознося имя старой дѣвицы Морель. А что сказали старики Морель и Сен-Пре? Они сказали, что у дѣтей свой умъ и что отцы не указчики, когда дѣти на своихъ ногахъ.

Было пеще одно существо, которое; быть-можетъ, знало, что происходило въ обители. Въ самое то-же утро, въ тулонской гавани снимался съ якоря корабль: онъ отправлялся къ Антильскимъ островамъ. На бортѣ стоялъ молодой миссіонеръ; онъ задумчиво смотрѣлъ на родные берега, и когда подъ кормою зашумѣла волна, послалъ послѣднее прощаніе прошедшему и Терезѣ Сен-Пре.....

М. Жукова.

Лип. Поля

Ассумпцiонская пустынно-жишельная обитель.

— Горька у нас восточная наша дайка, сидитъ запо-
рожець Запканка! Дайи сажать завладѣли Украиною, во-
рочають, кзкъ хотять и даяи, и нашимъ добромъ: казаки
стали польскими холодами, аили священники каждый день
умирають въ пыткахъ; изъ церквей души подблани конюшни,
мзачтъ васъ; отнимають женъ и дочерей, да ругаются надъ
нами... Прощала явна издавнина честь! Толп у насъ въ Запо-
рожцяхъ велика! Наслаждае же весь свѣтъ зоветь его слав-
нымъ Запорожцемъ! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть!
Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть!
Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть!
Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть! Чтѣть!

— Гуляй душа!... Вотъ хоть-бы
и прошлымъ лѣтомъ! Досталось отъ насъ Туркамъ и Татарамъ,
нѣмъ на порядкахъ досталось. Хитерь вражіи сынъ Тата-
ринъ; золотый изъ него паѣздникъ,— да и запорожца не взялъ
никакого, приближилъ Запканку, гордо закручивая за ухо оселе-

Example of a church in the mountains